

Жун Цзю вернулся напрямиком из сада Шаньюй.

Услышав это, Цзинчжэ замер, внимательнее вглядываясь в его лицо... Неужели предчувствие не обмануло? Он с самого начала заметил, что вид у Жун Цзю такой, словно тот проделал долгий путь.

— Ты... — начал Цзинчжэ, недоверчиво шурясь. Веки всё ещё были припухшими от слёз. — Вчерашние события... новость дошла до тебя непостижимо быстро.

Он окинул Жун Цзю испытующим взглядом.

— Она что, на крыльях к тебе прилетела?

Даже если предположить, что у Жун Цзю здесь были свои люди, такая скорость казалась сверхъестественной. Цзинчжэ на мгновение задумался: а вдруг и у этого человека есть нечто похожее на... систему?

— Нет.

— Кто тогда?

— Не скажу.

На каждый вопрос Цзинчжэ Жун Цзю отвечал холодно и отрывисто.

Цзинчжэ вспыхнул и выхватил у него яйцо.

Жун Цзю не сопротивлялся, лишь убрал руки за спину и равнодушно произнёс:

— Не смей плакать.

Цзинчжэ вскинул бровь. Наблюдать за его сдержанной неловкостью было даже забавно. Помолчав, он ответил:

— Я вообще-то редко плачу.

Слёзы бесполезны.

Но иногда именно от этой бесполезности, от бессилия, и плачешь.

Мало что могло довести Цзинчжэ до такого состояния.

Почувствовав, что отёк немного спал, он очистил одно яйцо, взглянул на Жун Цзю и молча отправил его себе в рот.

Яйца были редким лакомством.

В детстве, когда он падал и набивал шишки, мама прикладывала к ушибу тёплое варёное яйцо. Потом его, конечно, съедали.

Но человек брезгливый к такому не притронется.

Цзинчжэ не решился предложить яйцо Жун Цзю. Съев одно, он молча взялся за второе. После пары укусов желток застрял в горле, и он закашлялся.

Прохладные пальцы обвили его запястье. Жун Цзю поднёс его руку к своему лицу и, наклонив голову, съел оставшуюся половину.

Мимолётное прикосновение заставило Цзинчжэ замереть.

...Мягкие.

Это была его первая мысль.

Жун Цзю казался холодным как лёд, но его губы на ощупь были мягкими и чуть влажными.

Он резко отдёрнул руку и спрятал её за спину.

— Ты... ты вернулся, а как же Его Величество?

Сердце забилося, как пойманная птица, грозя выпрыгнуть из груди. Чтобы отвлечься, он заговорил о первом, что пришло в голову.

— Разве я единственный стражник при императоре? — небрежно бросил Жун Цзю.

Цзинчжэ потерял дар речи.

Нет, конечно, стражников может быть и сотня, но Жун Цзю — один. Так же, как у Цзян Цзиньмина было много юных слуг, но Цзинчжэ — тоже один. Сегодня он был не в форме, и все советовали ему взять отгул, но если бы он просто сбежал, его бы точно поймали и наказали.

— Его Величество очень к тебе снисходителен.

— Он ни к кому не снисходителен, — ровно ответил тот.

Цзинчжэ с тревогой взглянул на него и сделал маленький шагок в его сторону.

— Со мной всё в порядке, может... ты всё-таки вернёшься?

На самом деле... Цзинчжэ был тронут.

Из-за такой мелочи Жун Цзю специально примчался из сада Шаньюй. Но если это навредит его службе, то оно того не стоило.

— Прогоняешь меня? — в его холодном голосе послышались элегантные, чуть протяжные нотки.

— Да нет... просто у тебя ведь важные дела... — пробормотал Цзинчжэ.

К тому же, сегодня был не тот день, когда им положено было встречаться.

Жун Цзю потёр переносицу.

— Иди отдыхай, — сказал он. Было видно, что Цзинчжэ устал — под глазами залегли тёмные тени. — И не думай о пустяках.

Последняя фраза прозвучала почти нежно.

Цзинчжэ, спрятав руки за спину, потёр ладони. Сонливость действительно накатывала, вызывая усталость. Он с неохотой попрощался с Жун Цзю и, зевая на каждом шагу, поплёлся обратно.

Вернувшись в свою комнату, Цзинчжэ немного подумал, а затем, порывшись в вещах, достал одну из палочек успокаивающих благовоний, что дарил ему Жун Цзю, и зажёл её. Лёгкий аромат наполнил маленькую комнатку. Цзинчжэ несколько раз глубоко вдохнул, пропуская запах через лёгкие.

Удивительно, но, едва его голова коснулась подушки, он тут же уснул, хотя до этого ворочался

без сна. И проспал так с полудня до глубокой ночи.

Когда Цзинчжэ проснулся, он не сразу понял, где находится.

Повернув голову к окну, он увидел, что снаружи всё ещё темно. В комнате смутно угадывалась фигура — Хуэйпин, должно быть, ещё спал.

Ночи в Запретном городе не были абсолютно тёмными.

Кое-где всегда горели фонари, но Управление по надзору за дворцовыми залами к таким местам не относилось. С наступлением ночи те, у кого не было денег на свечи, затихали, и, когда все засыпали, всё управление погружалось в густую тьму.

Цзинчжэ мог лишь смутно различить за окном редкие звёзды. Для дождливой весны такое звёздное небо казалось необъятным.

Луны сегодня не было. Он долго лежал, глядя в потолок, а потом резко сел.

И, прижавшись лбом к оконной раме, стал смотреть на звёзды.

Он давно так не делал. Воспоминания о том, как в детстве родители, обнимая его, учили считать звёзды и показывали созвездия, казались такими далёкими, словно из прошлой жизни.

Цзинчжэ смотрел и мысленно считал.

Одну за другой.

Незаметно восток посветлел, всё окутал туман, и тишину нарушил шорох просыпающихся людей.

За спиной послышался сонный голос Хуэйпина:

— Цзинчжэ, ты когда проснулся?

Цзинчжэ весело обернулся.

— Хуэйпин, я полночи считал звёзды, они такие красивые!

Улыбка Цзинчжэ была заразительной. Хуэйпин тоже улыбнулся и тихо сказал:

— Да, звёзды очень красивые.

Он вышел на галерею и поднял голову к серому небу.

На границе дня и ночи ещё трепетали несколько угасающих звёзд. Посмотрев на них мгновение, Хуэйпин обернулся к Цзинчжэ.

— Может быть, там можно увидеть давно ушедших родных.

Цзинчжэ медленно моргнул и улыбнулся.

— Тогда всё пропало. Вчера, сколько я ни смотрел, не видел, чтобы кто-то был рядом друг с другом. Наверное, я был недостаточно искренен.

— Это неважно, — тихо сказал Хуэйпин. — Они всегда будут на небе, оберегая нас.

Хуэйпин был молчалив, но иногда очень пронизателен.

Он подошёл к Цзинчжэ, взъерошил ему волосы и похлопал по плечу.

— Главное, чтобы ты был в порядке.

Цзинчжэ коснулся уголка глаза. Вчерашний отёк и припухлость после долгого сна прошли без следа.

Он потянулся на кровати и ловко спрыгнул на пол.

— Так и есть.

Срыв был минутным. Впереди ещё долгая жизнь. Некоторые вещи нельзя стереть, с ними придётся жить дальше. Но по сравнению с прошлым, его жизнь стала намного лучше.

С каждым днём всё лучше и лучше. Значит, и его родные на небесах... не будут за него беспокоиться.

Цзинчжэ переоделся и быстро вышел.

— Пойдём.

В его ясных глазах плясали смешинки. Вчерашнее уныние исчезло без следа. Он бодро направился с Хуэйпином умываться, а затем взял мётлы и другие инструменты.

К тому времени, как пришли Гушэн, Шиэнь и остальные, Цзинчжэ уже заставил Хуэйпина повторять «Троесловие».

Что-что, а «Троесловие» и «Тысячесловие» он ещё помнил.

Гушэн и Шиэнь, увидев, что Цзинчжэ пришёл в норму, обрадовались, но тут он обернулся и весело улыбнулся им.

— ...А вы... то, что было задано, выучили?

Шиэнь и Гушэн замерли.

...Ну, это... хе-хе.

Один опустил голову, другой стал разглядывать муравьёв — оба упорно избегали взгляда Цзинчжэ.

Странное дело: с тех пор как Цзинчжэ начал учить их грамоте, стоило им полениться, как от его улыбки становилось как-то не по себе.

И вот уже тело само собой принималось за учёбу...

По дороге на уборку Цзинчжэ проверил знания Гушэна и Шиэня и успокоился: отставали они не сильно.

— Цзинчжэ, ты раньше и Миньюя так учил? — спросил Шиэнь.

Миньюй пару раз заходил в Управление, и каждый раз приносил что-нибудь вкусное. Цзинчжэ не был скуп и всегда делился с друзьями.

— Миньюй был гораздо прилежнее вас двоих.

Конечно, он учил Миньюя.

Сначала просто чтобы не забыть выученное, но потом вошёл во вкус и полюбил учить других.

В то время единственной его «жертвой» был Миньюй.

Места уборки менялись. Сегодня их очередь была в Императорском саду. Кроме них, там работали ещё две группы.

Так распорядился Цзинчжэ.

Где-то работы было меньше, где-то больше. Чтобы было справедливо, они менялись.

Сегодняшняя работа в Императорском саду была из хлопотных.

Много цветов, деревьев, а значит, и насекомых с опавшей листвой. К тому же, всегда была вероятность наткнуться на какую-нибудь наложницу, вышедшую на прогулку. Столкновение могло обернуться неприятностями.

Единственной радостью было то, что после недавних событий с Фэй Чжан и другими в саду стало тихо, и мало кто решался здесь гулять.

Все разошлись и молча принялись за работу.

Цзинчжэ привык к этому труду, на его ладонях уже были мозоли. В Управлении дел было куда больше, чем в Северных покоях, где его руки оставались гладкими.

Он наклонился, счищая грязь после дождя. Едва он закончил, как кто-то потянул его за край одежды.

— Гуйфэй, — прошептал Гушэн.

Цзинчжэ тут же отступил на несколько шагов, опустил на колени у края дорожки и покорно склонил голову.

В то время как другие избегали Императорского сада, единственной, кто продолжал его посещать, была Гуйфэй Хуан Ицзе.

Эта привычка у неё была не с недавних пор.

Казалось, она любила прогуливаться по утрам, и чаще всего именно в Императорском саду.

К тому же, она вставала очень рано, и её прогулки почти всегда совпадали со временем уборки.

Те, кто часто убирал в саду, уже привыкли.

Цзинчжэ низко опустил голову и, дождавшись, пока процессия пройдёт, поспешно поменялся местами с другими, стараясь оказаться как можно дальше.

Как бы то ни было, эта драгоценная супруга вызвала у него неприятное чувство, и он инстинктивно избегал встреч с ней.

Выйдя из сада, Гуйфэй остановилась.

— Ваше высочество, что-то не так? — тихо спросила служанка Юйши.

— Юйши, ты сейчас... чувствовала какой-нибудь запах?

Юйши с недоумением принялась и покачала головой.

— Нет, ваше высочество. Может, это аромат цветов из сада?

Весной Императорский сад утопал в цветах.

Садовники тоже приходили по утрам, чтобы ухаживать за растениями. Они только что видели множество пышно цветущих бутонов. Если и был какой-то запах, то Юйши могла подумать только об этом.

Хуан Ицзе покачала головой:

— Нет, это не цветы.

Сначала она тоже так подумала. Лёгкий аромат был несильным и терялся среди множества других запахов.

Только у самых ворот Хуан Ицзе вдруг уловила что-то смутно знакомое.

Она уже чувствовала этот запах.

Но он был таким слабым, что она не могла вспомнить, где. Однако что-то в нём её насторожило.

Она обернулась, её взгляд остро скользнул по тому месту, которое запомнилось ей больше всего, но среди убирающих там юных евнухов не было ни одного знакомого лица.

...Может, она слишком мнительна?

А Цзинчжэ, закончив утренние дела, вымыл руки и вернулся в свою комнату.

Войдя, он уловил остатки аромата.

Только тогда он вспомнил, что вчера зажигал успокаивающее благовоние, подаренное Жун Цзю. Вот почему он так хорошо спал.

Он подошёл к маленькой курильнице у кровати.

Палочка давно догорела, остался лишь пепел.

Цзинчжэ наклонился, взял курильницу и высыпал пепел на подоконник, после чего убрал её.

Он умел находить применение всему.

— Цзинчжэ, скорее сюда! — донёсся издалека крик Шиэня. — Гушэна что-то укусило в лицо, такой волдырь вскочил!

— Ой, и меня тоже.

— ...Что-то в последние дни комары совсем озверели...

— У меня все ноги искусаны.

— ...Я...

Цзинчжэ пошёл к ним, и в голове у него мелькнула странная мысль...

В этом году его, кажется, совсем не кусают насекомые.

Кстати говоря, на нём не было ни одного укуса.

— Кхе-кхе...

В карете Шэнь Цзыкунь обнял свою тихо кашляющую жену, госпожу У. Снаружи доносились крики и звон оружия.

Здоровье госпожи У в последнее время было неважным, но благодаря лекарству, прописанному настоятелем храма Тяньмэнь, ей стало лучше, остался лишь кашель.

Она захотела съездить в храм, чтобы помолиться и поблагодарить настоятеля.

Как раз в этот день у Шэнь Цыкуня был выходной, и они поехали вместе.

Отношения между супругами были уважительными, но не страстными. Однако он не брал наложниц, и госпожа У оставалась его единственной женой. Двое их детей, сын и дочь, были рождены ею.

— ...Хорошо, что мы сегодня не взяли с собой Сянь'эра и Сян'эр, — тихо проговорила госпожа У.

Шэнь Цыкунь с мрачным лицом приподнял занавеску и выглянул наружу. В тот момент, когда одному из охранников перерезали горло, он нахмурился и тут же опустил занавеску, чтобы жена не увидела.

Одной рукой он обнимал госпожу У, легонько похлопывая её по плечу, чтобы успокоить.

Это не были обычные разбойники.

Шэнь Цыкунь это прекрасно понимал.

Он не любил пышных выездов и всегда брал с собой лишь двоих охранников. На этот раз, из-за слабого здоровья жены и боязни утомить её дорогой, он взял с собой десятерых.

Кто бы мог подумать, что именно это минутное решение спасёт им жизнь, и их не убьют в первые же мгновения нападения.

Но охранники семьи Шэнь явно уступали нападавшим. Хотя они и были хорошими бойцами, их было слишком мало.

Нападавшие, с виду грубые разбойники, на самом деле были безжалостными убийцами, целившимися в уязвимые места. Как бы ни были искусны охранники, вдвоём против четверых не устоять.

Когда в живых осталось всего несколько человек, Шэнь Цыкунь крепче обнял жену, а затем медленно отстранился.

Сердце госпожи У ёкнуло, и она крепко схватила его за руку.

За годы брака они научились понимать друг друга без слов.

— Муж мой, что ты задумал?

— Они хотят убить меня, — спокойно сказал Шэнь Цзыкунь.

— Но если ты выйдешь, они убьют тебя, а потом не оставят в живых и меня.

Они были мужем и женой.

Она была замужем за ним столько лет, как она могла позволить ему идти на верную смерть?

Пока они спорили, издали послышался стук копыт.

Цок-цок-цок...

Звук приближался, нарастая с каждой секундой.

Всадник во главе отряда, с яркими кошачьими глазами, поднял копьё и указал на «разбойников».

— В живых не оставлять, убить всех!

— Слушаемся!

Среди кровавой бойни он пронёсся на коне через поле битвы, и всякий, кто пытался его остановить, был тут же сражён.

Несмотря на кажущуюся небрежность, казалось, у него были глаза на затылке.

Он остановился у кареты, и в его голосе послышалось лёгкое раздражение:

— Дядюшка Шэнь, я же говорил, не выезжайте без достаточной охраны. Если бы я не получил известие и не примчался, вы бы сегодня здесь и остались.

Шэнь Цзыкунь откинул занавеску и вышел, глядя на всадника.

— Цзи Бо, ты приехал.

Это было второе имя Мао Цзыши.

Мао Цзыши спешился и помог Шэнь Цзыкуню спуститься. Он был поражён.

Пережив такое, Шэнь Цзыкунь не выказывал ни малейшего беспокойства. То ли он совсем не боялся, то ли был готов ко всему.

Словно прочитав его мысли, Шэнь Цзыкунь ровно произнёс:

— Я не знал, что сегодня на меня нападут.

Мао Цзыши окинул взглядом карету.

— Верно, — тихо согласился он.

Шэнь Цзыкунь, при всей своей холодности, очень дорожил семьёй. Он мог рисковать собой, но никогда бы не стал этого делать, когда рядом была его жена.

Скрестив руки за спиной, он смотрел, как разбойники, только что убивавшие его людей, один за другим падали под ударами мечей. Внезапно он спросил:

— Дядюшка Шэнь, зачем вы тогда вмешались в борьбу за престол?

Вопрос прозвучал небрежно.

Но в такой момент, даже для такого ветреного человека, как Мао Цзыши, он был неуместен.

— Я не вмешивался в борьбу за престол, — спокойно ответил Шэнь Цзыкунь, глядя на кровавую бойню так, словно ничего не происходило.

Мао Цзыши усмехнулся:

— Не вмешивались? Дядюшка Шэнь, вы что, забыли, кто меня к вам прислал?

— Дядя захотел присмотреть за племянником, что в этом плохого?

— Да, да, ничего плохого, — вздохнул Мао Цзыши.

Шэнь Цзыкунь потрепал его по голове.

— Не думай о всякой ерунде. Когда будешь отправлять донесение, пошли кого-нибудь проведать отца.

Лицо Мао Цзыши помрачнело.

— Они хотят тронуть учителя?

Мао Цзыши был самым младшим учеником старого ректора Шэня.

Взгляд Шэнь Цзыкуня упал на трупы. В его глазах промелькнула едва скрываемая ярость.

— В последнее время Его Величество не раз унижал Вдовствующую императрицу.

— Почему бы Его Величеству просто не убить её? — тихо выругался Мао Цзыши.

— Молчать!

Даже в окружении своих людей Шэнь Цзыкунь редко терял бдительность. Он строго посмотрел на Мао Цзыши, заставив того опустить голову, и покачал своей.

— Наверное, это связано с Вдовствующей императрицей Цышэн.

Услышав это имя, Мао Цзыши снова поднял голову и странно посмотрел на Шэнь Цзыкуня.

...Вдовствующая императрица Цышэн, по мнению Мао Цзыши, была настоящим бедствием.

В отношениях с покойным императором она, конечно, была несчастной жертвой, но что касается нынешнего императора... хоть Мао Цзыши и не знал многого, он смутно догадывался, что превращение императора в того, кем он стал, не обошлось без её участия.

Именно поэтому отношения между императором Цзиньюанем и семьёй Шэнь были такими искажёнными.

Шэнь Цзыкунь чувствовал себя виноватым перед императором.

Император Цзиньюань никогда не выказывал семье Шэнь расположения, но когда те тайно посылали ему людей, он не отказывался, а если у семьи случались неприятности, они всегда благополучно разрешались.

Эта запутанная ситуация так раздражала Мао Цзыши, что ему хотелось кричать.

Он ненавидел неприятности.

Но он был учеником старого ректора Шэня, и хотя об этом мало кто знал, он уже много лет был втянут в это дело, и выбраться теперь было не так-то просто.

Когда последний нападавший был убит, Мао Цзыши приказал добить всех раненых и сжечь тела.

— Кстати, дядюшка Шэнь, — сказал он, словно что-то вспомнив, и, поправив рукав, со странным выражением посмотрел на Шэнь Цзыкуня. — У Его Величества... кажется, возможно, вероятно... появился кто-то на примете.

Он говорил неуверенно, тщательно подбирая слова.

Мао Цзыши, находясь между императором Цзиньюанем и Шэнь Цзыкунем, умело сохранял равновесие.

В конце концов, он служил императору.

С молчаливого согласия Цзиньюаня он не скрывал от семьи Шэнь некоторые вещи. Но другие должны были оставаться тайной.

Поэтому Мао Цзыши сказал немного.

Но этого было достаточно, чтобы глаза Шэнь Цзыкуня вспыхнули так ярко, что чуть не ослепили Мао Цзыши.

— Ты говоришь правду?

— Правда это или нет, не мне решать, — пробормотал Мао Цзыши. Кто может знать, что на уме у императора? Не то что угадать, от одного взгляда на него дрожь пробирает.

И кто же этот смельчак, что осмелился влюбиться в императора?

Кроме его неземной красоты, что в нём хорошего?

С горечью подумал Мао Цзыши, измученный тиранией императора.

В Управлении по надзору за дворцовыми залами несколько человек, сбросив одежду, сидели друг напротив друга. Не ради забавы, а чтобы смазать укусы лекарством.

У Цзинчжэ чего-чего, а всяких лекарств было в избытке.

Всё благодаря Жун Цзю, который то и дело что-нибудь присылал.

Теперь в большом сундуке Цзинчжэ целый угол был заставлен этими странными нефритовыми пузырьками.

Порывшись в сундуке, он наконец нашёл нужное средство, вытащил его и бросил ближайшему к нему Гушэну, чтобы те передавали по кругу.

— Почему вас двоих не кусают? — простонал Гушэн.

Весной и летом комары были настоящим бедствием.

Один укус — и вскакивал большой красный волдырь. А если расчесать, то он распухал ещё сильнее.

Комары были очень ядовитыми.

Если их становилось слишком много, приходилось вызывать специальных слуг для их уничтожения.

— Может, я комарам не нравлюсь, — неуверенно предположил Цзинчжэ. Он, честно говоря, не помнил, кусали ли его в Северных покоях.

— Раньше меня тоже часто кусали, а теперь нет, — сказал Хуэйпин, с улыбкой глядя на Цзинчжэ.

— Наверное, если долго быть рядом с Цзинчжэ, то и комары перестают кусать.

Шиэнь так позавидовал, что готов был поменяться с Хуэйпином комнатами.

— Какое чудесное лекарство, — сказал Гушэн, растирая мазь. — Нанесёшь, и сразу холодок. Цзинчжэ, ты у кого его купил?

— Один друг подарил, — смущённо ответил Цзинчжэ.

Гушэн не стал спрашивать дальше.

— Здорово. Шиэнь, почему ты не такой друг?

— А ты почему не такой друг, а? — пнул его Шиэнь. — Денег мало или положение не то?

— И денег мало, и положение не то, — с горечью ответил Гушэн.

Они все были евнухами третьего ранга и получали больше, чем раньше. Но подняться выше было не так-то просто.

В Управлении можно было встретить и тридцати- и сорокалетних, всё ещё занимавшихся уборкой.

Стать начальником удавалось немногим.

Мест было мало, и если не искать обходных путей, то так и останешься на одном месте.

— Говорят, Его Величество все эти дни провёл в саду Шаньюй, — сказал Шиэнь, натянув одежду. — Знал бы, пошёл бы туда.

Когда-то, когда в сад Шаньюй набирали людей, они это обсуждали.

— Да брось, — сказал Гушэн. — Если постоянно мелькать перед Его Величеством, и девяти жизней не хватит. — Он говорил тихо, словно это было что-то запретное.

И это действительно было запретно.

Печальная участь Бинь Сюй и Фэй Чжан была у всех на виду. Если уж госпожи не смогли этого избежать, то что говорить о слугах, которые каждый день рисковали головой.

Если бы ему пришлось каждый день видеть Цзиньюаня, Гушэн, наверное, умер бы от страха.

— Чтобы служить Его Величеству, нужно ещё и удачу иметь, — поддразнил его Шиэнь. Не каждому выпадало такое «счастье».

Что до Фэй Чжан...

Он огляделся и понизил голос до шёпота.

— Я вам такое скажу, только никому ни слова.

Остальные кивнули. Шиэнь, с видом заговорщика, в котором страх смешивался с возбуждением, произнёс:

— Кажется... Фэй Чжан... изменяла.

Глаза Гушэна и Хуэйпина расширились от удивления.

Цзинчжэ тоже был удивлён.

Но не самой новостью, а тем, откуда Шиэнь мог это узнать.

— У меня есть друг, он в дворцовой страже. Говорит, как-то раз видел фигуру, похожую на Фэй Чжан... кхм... но была глубокая ночь, он испугался и не стал проверять. Долго молчал, и только недавно...

Остальные слушали со странным выражением на лицах, в котором смешались сочувствие и страх.

— Шиэнь, ну и язык у тебя, — тихо вздохнул Цзинчжэ.

Если уж друг рассказал ему такое, как можно было тут же пересказывать это другим?

Он знал причину гибели Фэй Чжан.

Но большинство в гареме этого не знало, слухи не просочились наружу.

Возможно, Вдовствующая императрица приказала молчать, а может, император берёт свою честь.

Но кто бы ни скрывал правду, было ясно: наверху не хотели, чтобы об этом говорили. Если слух выйдет наружу и начнут расследование, никому не сдобровать.

Гушэн и Хуэйпин не были такими болтливými, а вот за Шиэня он действительно беспокоился.

Шиэнь прикрыл рот рукой и закивал.

На самом деле, он осмелился рассказать это только им.

Другим — ни за что.

Но... Цзинчжэ прищурился. То, что новость до сих пор не просочилась, скорее всего, заслуга не Цзинъюаня, а Вдовствующей императрицы.

Если верить Жун Цзю, то Цзинъюаню было всё равно, что ему наставили рога. Человек, способный на такие безрассудные поступки, вряд ли заботился о своей репутации.

Если бы слух распространился, это было бы неприятно, но тогда у Цзинъюаня появился бы повод для расправы. Хоть это и вызвало бы пересуды, но было бы лучше, чем сейчас.

...Если же слух подавила Вдовствующая императрица, то её цель была ясна.

По крайней мере, сейчас Цзинъюань действительно внушал страх, все боялись, что он снова начнёт убивать по своей прихоти.

Но как бы его ни боялись, он по-прежнему прочно сидел на троне.

Иногда Цзинчжэ даже восхищался этим императором.

В такой опасной ситуации сохранять такое спокойствие и безразличие... если бы он мог научиться хоть толике этого...

Да нет, он не осмеливался и близко подходить к Цзинъюаню.

Одного Жун Цзю было более чем достаточно.

Служить при дворе — Цзинчжэ боялся, что это сократит его жизнь.

Кстати, о Жун Цзю...

В прошлую их встречу Цзинчжэ пытался выяснить, может ли Жун Цзю говорить с Цзинъюанем.

Он до сих пор помнил его пронизывающий, холодный взгляд, от которого по спине пробегал озноб.

— Ты собираешься служить при дворе?

— И не подумаю, — тут же ответил Цзинчжэ. — У меня не хватит смелости.

Жун Цзю опустил глаза, ресницы отбросили тень на щёки.

— Тогда зачем ты спрашиваешь?

Цзинчжэ пересказал ему то, что услышал от Минъюя.

— Мне кажется, во дворце Чжунцуй что-то не так, — туманно намекнул он. — Я помню, было время, когда Гуйфэй часто бывала во дворце Цяньмин.

— Твой друг... это Минъюй? — спросил Жун Цзю.

Цзинчжэ, говоря, не упоминал имени, лишь сказал, что это друг с Императорской кухни.

— А? — удивился Цзинчжэ. — Да, это он.

Разве это главное?

Почему первый вопрос именно об этом?

— Вы, кажется, очень близки, — с непонятным выражением произнёс Жун Цзю.

Так. Теперь Цзинчжэ понял.

Ревность.

...Нет, ну почему Жун Цзю всегда обращает внимание на какие-то странные вещи?

— Мы просто друзья.

— Очень хорошие друзья, — многозначительно добавил Жун Цзю, и в его холодном голосе прозвучали стальные нотки. — Друзья, которым можно доверить жизнь.

— А у тебя разве нет? — вспыхнул Цзинчжэ.

— Нет, — холодно ответил Жун Цзю. — Никогда не было.

Цзинчжэ поджал губы и, подняв голову, осторожно спросил:

— ...А... не таких близких, просто с кем можно поговорить...

— Тоже нет, — с лёгкой злобой посмотрел на него Жун Цзю. — Кто осмелится со мной дружить?

Цзинчжэ смутился.

Ха, так ты и сам знаешь, какой у тебя характер?

Нет, стоп, они же говорили не о Миньюе! И с чего это он смущается? То, что у Жун Цзю нет друзей, — это, конечно, печально, но это не значит, что у Цзинчжэ не может быть друзей!

И Цзинчжэ снова гордо вскинул голову.

— Не уходи от темы! Я просто думаю, что люди из дворца Чжунцуй подозрительны. Когда будешь на службе, держись от них подальше!

Он хотел выполнить задание и не дать Хуан Ицзе навредить Цзиньюаню, но ещё больше он беспокоился о Жун Цзю.

Пешки всегда страдают первыми.

— Не бойся, император её не любит, — ровно ответил Жун Цзю.

Цзинчжэ уловил в его словах скрытый смысл.

— ...Его Величество знает? — задумчиво спросил он и нахмурился.

Заложив руки за спину, он принялся рассказывать перед Жун Цзю туда-сюда.

Жун Цзю с интересом наблюдал за его мелкими шажками.

Топ-топ. Топ-топ-топ. Топ-топ.

Как суетливый зверёк.

Цзинчжэ резко остановился.

— Каков хозяин, таков и слуга, — он метнул на Жун Цзю сердитый взгляд. — Ты из тех, кто будет молчать до самой смерти, а Его Величество из тех, кто любит нарываться на неприятности. Неудивительно, что вы нашли друг друга.

Такое он осмеливался говорить только Жун Цзю. На людях он бы и слова плохого об императоре не сказал.

Жун Цзю вскинул бровь и... улыбнулся.

Словно растаял айсберг, и его ледяная аура смягчилась.

Он и раньше улыбался.

Лёгкой, холодной улыбкой.

Но так открыто — редко.

Цзинчжэ засмотрелся. И очнулся, только когда пальцы Жун Цзю коснулись его подбородка, а его обворожительное лицо оказалось совсем близко.

— Засмотрелся? — в его голосе всё ещё слышался смех, от которого по ушам пробежала приятная дрожь.

У Жун Цзю был не только красивый облик, но и красивый голос.

Подумав об этом, Цзинчжэ осторожно привстал на цыпочки и неумело коснулся губами уголка его рта.

Лёгкое, как прикосновение пушинки, касание.

Сделав это, Цзинчжэ, залившись румянцем, бросился бежать.

Жун Цзю попытался его поймать, но не успел.

В искусстве побега Цзинчжэ не было равных.

И он этим даже немного гордился.

Эмоции Жун Цзю проявлял редко, но если уж проявлял, то это было яростно и неукротимо.

Цзинчжэ не хотел оказаться в эпицентре бури.

Он сидел, обхватив колени, и лениво зевал. Погода в последние дни стояла чудесная, тёплая,

небо было ясным и голубым. От этого клонило в сон.

Когда в комнате остались только они с Хуэйпином, Цзинчжэ заметил, как тот осторожно выглядывает наружу.

Он выглядел очень обеспокоенным.

— В чём дело? — спросил Цзинчжэ.

Хуэйпин, казалось, хотел что-то сказать.

— Цзинчжэ, я помню, у тебя был один очень хороший друг...

— Минъюй? — Цзинчжэ прикрыл рот рукой, снова зевнув так, что выступили слёзы.

— Нет, не Минъюй, — поспешно покачал головой Хуэйпин.

Он ведь видел Минъюя.

— Тот... высокий, гораздо выше тебя, — жестом показал Хуэйпин. — Наверное, тот друг, что был с тобой в новогоднюю ночь. — И, должно быть, тот, что часто присылает ему подарки.

Жун Цзю.

Цзинчжэ немного проснулся.

— А, да, высокий друг, это, наверное, он.

Он склонил голову набок и посмотрел на Хуэйпина своими ясными, тёмными глазами.

— А что с ним?

— Не с ним... — запинаясь, начал Хуэйпин. — Мне Ху Ли сказал... — его голос становился всё тише, словно ему было стыдно. — Он, кажется, видел вас вместе... очень близко.

На самом деле, Ху Ли рассказал ему об этом давно, но Хуэйпин всё не решался заговорить с Цзинчжэ.

Ху Ли выразился более прямо.

«Брат Хуэйпин, я не разглядел его лица, но они с братом Цзинчжэ были очень близки. Если кто-то увидит, это может плохо кончиться».

Ху Ли не был сплетником. Он увидел их случайно, когда пошёл короткой дорогой.

Они стояли в укромном месте.

Если бы Ху Ли не знал Цзинчжэ так хорошо, он бы его и не узнал.

Цзинчжэ спас Хуэйпина, и Ху Ли был ему за это очень благодарен.

Особенно после того, как узнал, что Хуэйпин чуть не пострадал из-за У Фу, он так разозлился, что завалил Цзинчжэ и его друзей подарками.

Так они и подружились.

Поэтому, заметив это, Ху Ли не стал поднимать шум, а тихо вернулся в Управление по закупкам.

Он осторожно расспросил Чжэн Хуна, который часто общался с Цзинчжэ.

Чжэн Хун ничего не знал.

Хоть он и подшучивал над Цзинчжэ, говоря, что тот завёл себе «любовничка», он беспокоился о сомнительной дружбе Цзинчжэ, а не думал, что они действительно любовники.

А в Управлении по надзору...

И подавно.

Никаких слухов не было.

Убедившись в этом, Ху Ли успокоился.

Значит, то, что он видел, — случайность.

Но если это случилось один раз, может случиться и второй. Как бы Цзинчжэ ни прятался, его могли раскрыть.

Ху Ли не был настолько близок с Цзинчжэ, чтобы говорить с ним напрямую, но он знал, что Хуэйпин и Цзинчжэ — хорошие друзья, и рассказал всё ему.

Хуэйпин носил это в себе уже несколько дней.

Он не был разговорчивым, и то, что он так долго молчал, было уже подвигом.

Наконец выговорившись, он покраснел так, что готов был провалиться сквозь землю.

Цзинчжэ, удивившись, рассмеялся.

— Это же моё дело, почему ты так покраснел?

— Я никому не скажу, — сказал Хуэйпин, вспомнив наставления Цзинчжэ, и тут же добавил: — И Ху Ли тоже.

— Я вам верю.

То, что Ху Ли, узнав об этом, не побежал сразу к Хуэйпину, а сначала всё проверил, говорило о его осмотрительности.

Такой человек, особенно когда речь шла о его друге Хуэйпине, не стал бы делать глупостей.

— Ты... ты и тот человек, вы правда...

На самом деле, Хуэйпин догадывался.

Ещё до того, как Ху Ли рассказал ему.

Только он не знал, был ли этот друг мужчиной или женщиной. Знал только, что Цзинчжэ время от времени с ним встречается.

Неожиданно, что это оказался мужчина.

И к тому же такой властный.

И почему-то, когда Ху Ли рассказал ему, Хуэйпин сразу подумал о том человеке из новогодней ночи.

— Да, — обхватив колени, подтвердил Цзинчжэ.

Хуэйпин помолчал, а затем пробормотал:

— Но ведь это... больно.

Цзинчжэ растерянно посмотрел на него, не поняв.

— Что больно?

Хуэйпин, после случая с У Фу, хоть и не пострадал физически, но узнал многое из того, что ему знать не следовало.

И теперь, встретившись с невинным, недоумевающим взглядом Цзинчжэ, он почувствовал укол совести.

— Ничего, — кашлянул он.

...Неужели, Цзинчжэ и тот человек... ничего не делали?

Тогда... зачем всё это?

В гареме отношения между евнухами и служанками были не только для душевного утешения, но и для плотских утех. Неважно, мог ли евнух исполнить свой мужской долг, но доставить удовольствие — мог.

Если ничего не делать... тогда... это потому что... они правда... любят друг друга?

Мужчина и мужчина... могут любить?

Хуэйпин смутно чувствовал, что что-то здесь не так, но, глядя на Цзинчжэ, свернувшегося клубочком на кровати, он отбросил все сомнения.

— Ты тоже... береги себя, чтобы никто не увидел, — тихо сказал он.

— Угу, — так же тихо ответил Цзинчжэ, закрыв лицо руками. Ему было стыдно.

Во дворце Цяньмин плыл лёгкий, знакомый аромат. Слуги, прислуживавшие здесь, уже привыкли к нему.

Сегодня император Цзинъюань наконец вернулся из сада Шаньюй.

И тут же наткнулся на Мао Цзыши, сидевшего на корточках у входа во дворец.

Он действительно «сидел на корточках».

В руке у него была веточка, которой он ковырял что-то в углу.

Император Цзинъюань спокойно прошёл мимо.

— Заплатишь за ущерб.

Эти четыре слова заставили Мао Цзыши подпрыгнуть, и то, что он ковырял, стало видно.

Угловой камень был немного повреждён, а после его манипуляций от него откололся ещё кусок.

— Он и так был сломан, это не я!

— Записать на счёт и отправить в Академию Цяньюань, — ровно произнёс император.

— Я заплачу, заплачу, хорошо? — вскочив, бросился за ним Мао Цзыши. — Зачем беспокоить учителя?

Ему было жаль своих денег, но ещё больше он злился на свою дурную привычку.

Ну ждёшь ты человека, так жди спокойно, зачем было ковырять этот камень?

Император Цзинъюань сел за стол.

— Шэнь Цзыкунь не умер? — небрежно спросил он.

— Умер дядюшка Шэнь или нет, Ваше Величество знает лучше всех, — ответил Мао Цзыши.

В день нападения он отправил донесение в сад Шаньюй. Но, не получив приказа, ничего не предпринимал.

Император Цзинъюань перебирал бумаги на столе, нашёл какую-то книгу и бросил её Мао Цзыши.

Тот поймал и с сомнением открыл.

Через мгновение он со странным выражением поднял голову.

— Ваше Величество, вы собираетесь...

— Я хочу, чтобы они умерли, — глядя на него сверху вниз, произнёс император.

Помолчав, Мао Цзыши хищно улыбнулся.

В одно мгновение он из весёлого юноши превратился в жестокого убийцу.

— Слушаюсь.

С момента нападения на Шэнь Цзыкуня он сдерживал свой гнев, к тому же, он до сих пор не получил вестей о безопасности своего учителя в Академии Цяньюань.

Когда Нин Хунжу провожал Мао Цзыши, он тихо сказал:

— Не беспокойтесь, со старым ректором Шэнем всё в порядке.

Мао Цзыши резко обернулся.

Нин Хунжу улыбнулся ему.

Огромный камень свалился с души Мао Цзыши. Почувствовав облегчение, он тут же вернулся к своей обычной манере.

— Те деньги... Ваше Величество ведь не всерьёз? — заговорщицки прошептал он.

— Благодарю за напоминание, господин, — тут же сменив выражение лица на непроницаемое, ответил Нин Хунжу. — Прошу как можно скорее собрать нужную сумму и передать мне.

Сердце Мао Цзыши обливалось кровью. Он поклялся, что в ближайшее время во дворец ни ногой.

Проводив Мао Цзыши, Нин Хунжу, возвращаясь во дворец, задержался у повреждённого камня, подозвал нескольких слуг и приказал выломать его целиком.

Звуки работы не доносились до внутренних покоев.

Император Цзиньюань переодевался.

Сбросив тяжёлые церемониальные одежды и сняв роскошный головной убор, он небрежно бросил их на пол. Холодные белые пальцы ловко завязывали пояс на совершенно другом наряде.

Нин Хунжу с болью в сердце смотрел на брошенные на пол одежды.

Он поспешил поднять их.

Только ему было позволено находиться рядом с Цзиньюанем, когда тот переодевался.

— Готово? — спросил Хэлянь Жун. — Приготовил?

— Всё готово, Ваше Величество. Принести сейчас? — поспешно ответил Нин Хунжу.

— Неси, — сказал Хэлянь Жун.

Нин Хунжу удалился и вскоре вернулся с изящной шкатулкой, которую передал императору.

Хэлянь Жун спрятал её за пазуху и небрежно распорядился:

— С завтрашнего дня дворец Цяньмин никого не принимает.

— Слушаюсь, — ответил Нин Хунжу. — Ваше Величество, через несколько дней — годовщина смерти покойного императора.

Вдовствующая императрица Цышэн умерла зимой, покойный император — весной.

Несмотря на все их разногласия при жизни, перед смертью у них было одно общее желание.

Не быть похороненными вместе.

Императора и императрицу, особенно первую, обычно хоронили вместе в императорской

усыпальнице.

Но их сын, император Цзинъюань, взойдя на престол, приказал перенести гроб своей матери.

После всех поминальных церемоний по отцу он похоронил их вместе в императорской усыпальнице.

Чтобы они и в загробной жизни вечно были вместе, терзая друг друга.

— Пусть этим занимается Министерство ритуалов, — уголки губ Хэлянь Жуна изогнулись в усмешке. — Я не пойду.

— Слушаюсь, — склонив голову, тихо ответил Нин Хунжу.

Годовщина смерти покойного императора была днём рождения Цзинчжэ.

Как хорошо.

В один день — два таких прекрасных события.

Хэлянь Жун...

Нет, теперь уже Жун Цзю.

Он смотрел, как Цзинчжэ, выглядывая из-за ворот Управления, мелкими шажками подбегает к нему. Смотрел, как тот радуется, но боится это показать.

Он с трудом сдерживал улыбку, сжав губы в тонкую линию, но радость всё равно просачивалась из уголков глаз. Он был таким счастливым, живым и милым.

Ну ладно, и немного понурым.

— Нам нужно быть осторожнее, — услышал он его слова. — Чтобы никто не увидел. — Он не говорил об опасности, а лишь жаловался, как ребёнок.

— Это так стыдно.

— Хорошо, — на мгновение Жун Цзю сам не понял, что ответил, а затем его голос стал глубже. — Это не стыдно.

...Желание — это не стыдно.

— Но когда друзья видят, очень стыдно, — закрыл лицо руками Цзинчжэ.

С Миньюем ладно, тот и так всё из него вытянет. Но то, что об этом узнали Хуэйпин и другие, вызывало какой-то стыдливый жар.

И только бог знает, каких усилий стоило Цзинчжэ тогда сдерживать румянец.

...Может, потому что Хуэйпин покраснел ещё сильнее.

Цзинчжэ утащил Жун Цзю в укромное место и прошептал ему обо всём, что случилось.

— Ты боишься? Я его убью, — холодно и равнодушно произнёс Жун Цзю, словно говорил о чём-то обыденном.

Ужасно.

— Нельзя! — Цзинчжэ с силой ткнул его в грудь.

Он знал, что Жун Цзю действительно может это сделать.

— Не нужно всё решать убийством... Что у тебя там?

Пальцу стало больно.

Словно что-то вспомнив, Жун Цзю достал из-за пазухи маленькую шкатулку.

— Подарок на день рождения.

— Как ты... — хотел спросить Цзинчжэ, но осёкся. — Ладно, ты и так всё знаешь.

С любопытством он заглянул внутрь.

Жун Цзю протянул ему шкатулку.

Цзинчжэ повертел её в руках и открыл.

Внутри лежал тонкий лист бумаги — купчая.

— Я выкупил его для тебя, — сказал Жун Цзю, стоя перед ним с руками за спиной.

Он слышал, как Цзинчжэ рассказывал о своём доме, о персиковом дереве перед ним, о пруде во дворе, о маленьких домиках за домом, о весенних цветах, о летней прохладе карпов, об осенних плодах, о зимнем снеге...

Цзинчжэ много рассказывал.

И хотя Жун Цзю не понимал, что можно любить в месте, где ты провёл детство, — так же, как он не любил дворец Сефан, — но если Цзинчжэ это нравилось, он был готов вернуть ему всё.

Цзинчжэ стоял, опустив голову, и молчал.

— Цзинчжэ?

Жун Цзю обнял его и почувствовал на руке влагу. Он взял Цзинчжэ за подбородок и заставил поднять голову. Тот до крови кусал губу, и слёзы текли по щекам, но он не издавал ни звука.

— Отпусти, — глухо произнёс Жун Цзю.

Он с силой надавил на подбородок, заставив Цзинчжэ разжать зубы. На его пальце остался след крови.

Цзинчжэ укусил себя до крови.

— Плачь, — сжав губы, сказал Жун Цзю. Его прекрасное, почти демоническое лицо исказила странная гримаса. — Не смей сдерживаться.

— У-у-у...

Цзинчжэ наконец заплакал. Всклипывая, он уткнулся лицом в грудь Жун Цзю.

— У-у-у-у...

Вскоре его слёзы промочили одежду Жун Цзю.

Ледяная влага просочилась до самого сердца.

<http://bllate.org/book/16993/1588109>